

«РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА» Н.А. НЕКРАСОВА (ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА)

Предметом исследования данной статьи выступают жанровые вкрапления, функционирующие в составе стихотворения «Размышления у парадного подъезда» Некрасова. Главное внимание уделяется инвективному фрагменту.

Ключевые слова: жанр, элегия, песня, философская ода, инвектива, внежанровое стихотворение.

Лирические произведения, содержащие в себе признаки различных жанров, мы именуем как внежанровые стихотворения. К этому числу мы отнесли «Размышления у парадного подъезда» (1857–1858) Н.А. Некрасова. Т.С. Царькова рассматривает данное произведение с точки зрения творческой истории¹, В.Е. Холшевников – с точки зрения интонации, Н.Н. Скатов делает акцент на идейно-тематическом анализе, а Б.О. Корман – на анализе содержательно-субъектной организации. Опираясь на наблюдения наших предшественников, покажем значение инвективы в художественном целом этого стихотворения.

В данном тексте пять строфоидов, состоящих из 40, 8, 4, 25, 40 строк соответственно. По мнению Холшевникова, «Размышления...» могут служить образцом <...> смешения жанров» [1, 118]. Ученый отмечает, что «данное стихотворение многомерно, развитие каждой из тем определяет жанровые особенности той части стихотворения, в которой раскрывается данная тема». Произведение начинается с описания парадного подъезда богатого дома, к которому часто съезжают гости в дни торжеств. «Повествование в начале текста, как отметил Корман, ведется со стороны: «Вот парадный подъезд...» [2, 170]. По будням же здесь можно увидеть и простой люд: «А в обычные дни этот пышный подъезд / Осаждают убогие лица: / Прожектеры, искатели мест, / И преклонный старик, и вдовица. <...> / А иные просители плачут...»

[3, 265]. Далее следует описание русских мужиков, подошедших к этому подъезду:

Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди <...>; [3, 265].

Н.Н. Скатов, исследователь творчества Некрасова, утверждает, что «поэт всегда стремился припасть к источникам народной жизни, жаждал общения с духом народной жизни». Автор работы убежден, что «недаром мужики «помолились на церковь» и у них «крест на шее» – это символ мученического креста, который крестьянин в своей жизни несет» [4, 20]. Особое внимание исследователи уделяют содержательно-субъектной организации. По мнению Н.Н. Скатова, «описание мужиков дается с точки зрения швейцара» [4, 20]. Другой исследователь этого стихотворения, Б.О. Корман, считает, что в «протитированных строчках точка зрения швейцара совмещается с точкой зрения повествователя» [2, 170]. Описание того, что видит швейцар, начинается со слов: «Он гостей оглядел...»:

Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых... [3, 266].

¹Т.С. Царькова в подробном комментарии к этому тексту указывает, что, по свидетельству А.Я. Панаевой, поводом к созданию стихотворения явился реальный случай. «Из окна квартиры Некрасова был виден дом, где жил министр государственных имуществ М.Н. Муравьев, за подавление польского восстания 1830 г. прозванный «Вешателем». Однажды, подойдя к окну, Панаева увидела крестьян, сидевших на ступенях лестницы парадного подъезда этого дома, и сказала об этом Некрасову. Поэт «подошел к окну в тот момент, когда дворники дома и городской гнали крестьян прочь, толкая их в спину. Некрасов сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошел от окна... Часа через два он прочел мне стихотворение «У парадного подъезда» [5, 354].

На этом повествование от имени швейцара заканчивается. То, что «некрасиво на взгляд», по мнению Н.Н. Скатова, «красиво по сути, прекрасно внешней красотой и содержательностью. Как будто бы некрасивое и низкое оказывается прекрасным и высоким» [4, 20]. Следом появляется голос автора, заключенный в скобки:

(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний) [3, 265].

Корман в данных строчках «чувствует при-
месь сочувствия, вздох [2, 171], что свойственно жанру элегии».

Высоко оценивая тонкие наблюдения Кормана, считаем также важными акценты идейно-тематического плана, сделанные Скатовым. Тем более, Скатов делает верные наблюдения по поводу дальнейшего развертывания текста. Ученый отмечает, что «далее поэтическое повествование глазами автора о мужиках продолжается в таком же и еще более высоком, почти библейском стиле»:

Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Развода безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами... [3, 266].

Убогие крестьянские сумки и котомки названы «кошли», скромное задабривание швейцара – чаевые – «скудная лепта». Наконец, «сами мужики названы «пилигримами», то есть религиозными путешественниками, взявшими обет на служение, названы, – как предполагает Скатов, – чуть-чуть иронически. Впрочем, ирония почти незаметна и снята в дальнейшем развитии образа, ибо определение «пилигримы» находит продолжение, развертывается» [4, 21].

Затем предстает перед читателем иной, противоположный образ – образ «владельца роскошных палат». Контраст между «мужиками» и «владельцем роскошных палат» отмечен многими исследователями. Некрасов отделяет его графическим пробелом и, как отметил В.Е. Хол-

шевников, меняет тип рифмования [1, 120]. Если в первой строфе нам встретились охватные (аББа) и перекрестные (АбАб) рифмы, то во второй строфе рифмование смежное (ааБ'Б'):

А владелец роскошных палат а
Еще сном был глубоким объят... а
Ты, считающий жизнью завидною Б'
Упоение лестью бесстыдною, Б'

и охватное (аБ'Б'а):

Волокитство, обжорство, игру, а
Пробудись! Есть еще наслаждение: Б'
Вороти их! В тебе их спасение! Б'
Но счастливые глухи к добру... а

Это способствует в данном случае семантическому разделению текста. Для нас это представляется важным моментом. Если в предыдущей части формально текст принадлежал эпическому автору, то здесь появляется эксплицитный адресат и имплицитный субъект:

Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! В тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру... [3, 266].

В данных строчках звучит явный призыв поэта к человечности, доброте, состраданию по отношению к людям из народа, о чем свидетельствуют глаголы настоящего времени повелительного наклонения («пробудись», «вороти их»). Б.О. Корман считает, что Некрасов искусно смог ввести в поэтический текст манеру выражения владельца палат: «Щелкоперов забавою / Ты народное благо зовешь...», «Не беда, что потерпит мужик: / Так ведущее нас провиденье / Указало...», «Да он же привык...» [3, 266-267]. Ученый говорит о том, что «поэт создает облик барина-крепостника: он не прочь порассуждать, любуясь собственным красноречием, и он же с великолепной барственной откровенностью и непринужденностью судит о мужике: привык, мол, пусть терпит» [2, 172]. По замечанию Т.С. Царьковой, «за владельцем

роскошных палат стоит образ реального человека – М.Н. Муравьева» [5, 354].

Далее следуют третий и четвертый строфоиды, содержащие перечень обвинений в адрес обличаемого лица:

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.
Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь! [3, 267].

В.Е. Холшевников [1, 121], Ю.В. Манн [6, 934], К.И. Чуковский [7, 223], Б.О. Корман [2, 173-174] относят данные строки к сатире. На наш взгляд, этот фрагмент – не сатира, а инвектива.

Процитированные строки интерпретируем (вслед за С.А. Матяш [8]) как вкрапление инвективного характера по следующим соображениям. Во-первых, присутствует гневный пафос, во-вторых, имеется прямое обращение к адресату обличения (местоимения и глаголы 2-го лица единственного числа), в-третьих, наличествуют глаголы настоящего времени. В-четвертых, в конце четвертого строфоида можно прочесть пророчество поэта, содержащее проклятие:

И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!.. [3, 267].

Кроме этого, в инвективном фрагменте ощущается явный сарказм, который, по наблюдениям Ю.В. Манна, «несет в себе негативную, уничтожающую оценку, вслед за видимым восхвалением: «Ты уснешь, окружен попечением / Дорогой и любимой семьи / (Ждущей смерти твоей с нетерпением)...» [6, 934]. Это, в свою очередь, усиливает обличение, направленное против адресата.

По замечанию Н.Н. Скатова, «в данном произведении имеется песенная, скорбная традиция лирики [4, 22], проявляющаяся со слов: «Назови мне такую обитель...». Этот отрывок стал любимой песней революционной, демократической, особенно студенческой, молодежи. Стон мужика подхвачен песней-стоном бурлацкого хора. И дело не только в том, что сказано о бурлаках, но и в том, как о них сказано. «Слово «выдь» не выдумано Некрасовым, оно отражает особенности живой речи, характерной для жителей ярославского, «бурлацкого» края, которую, – как утверждает Скатов [4, 24], – поэт сам знал». Широту и мощь песни придает тема Волги – извечной героини русских народных песен:

Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, –
Где народ, там и стон... [3, 268].

И все же не песня заканчивает стихотворение «Размышления у парадного подъезда», размышления, раздумья о судьбе народа русского, которые Некрасов сформулировал как риторические вопросы:

Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?.. [3, 268].

Данные строки можно отнести к философской оде, так как имеются философские рассуждения, маркированные риторическими вопросами, внутрестиховой паузой. Холшевников данный строфоид именует «лирико-философской концовкой» [1, 122].

Итак, в стихотворении Некрасова «Размышления у парадного подъезда» наряду с элегией, песней, философской одой функционирует жанр инвективы, что позволяет отнести его к внежанровому стихотворению. В данном произведении три адресата высказывания: владе-

лец роскошных палат, река Волга, русский народ. Но объектом обличения в тексте выступает только один адресат – владелец роскошных палат. Инвективный фрагмент занимает центральное место в произведении. Он создает кон-

траст с предыдущими и последующими строфоидами. Инвектива придает энергетике финалу произведения, цементирует все части воедино, определяет идейный пафос всего стихотворения.

Список использованной литературы:

1. Холшевников, В.Е. Стихovedение и поэзия / В.Е. Холшевников. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 256с.
2. Корман, Б.О. Лирика Некрасова / Б.О. Корман. – Ижевск: «Удмуртия», 1978. – 300с.
3. Некрасов, Н.А. Собрание сочинений в четырех томах / Н.А. Некрасов. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1844-1860гг. – М.: Правда, 1979. – 366с.
4. Скатов, Н.Н. Народный поэт / Н.Н. Скатов. // Некрасов Н.А. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. – М.: Правда, 1979. – С. 3-50.
5. Царькова, Т.С. Комментарий к стихотворению «Размышления у парадного подъезда» / Т.С. Царькова. // Некрасов Н.А. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. – М.: Правда, 1979. – С. 354-355.
6. Манн, Ю.В. Сарказм / Ю.В. Манн. // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – Стб. 934-935.
7. Чуковский, К.И. Мастерство Некрасова / К.И. Чуковский. – М.: Сов. писатель, 1959. – 726с.
8. Матяш, С. А. Инвектива в русской поэзии. / С. А. Матяш // Человек и общество. Материалы междунар. науч.-практич. конф. Ч. 3. – Оренбург: ОГУ, 2001. – С. 104-105.

Bralina G.M.**«Thinking at the front doorway» by N.A. Nekrasov (Genre aspect of analysis)**

The subject of the research in this article is genre droplets functioning in the structure of the verse «Thinking at the front doorway» by Nekrasov. The great attention is given to invective fragment.

Key words: genre, elegy, song, philosophical ode, invective, extragenre verse.

Сведения об авторе: Бралина Галина Миннигазизовна, лаборант кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук. 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел.: (3532) 372436, 89198528364